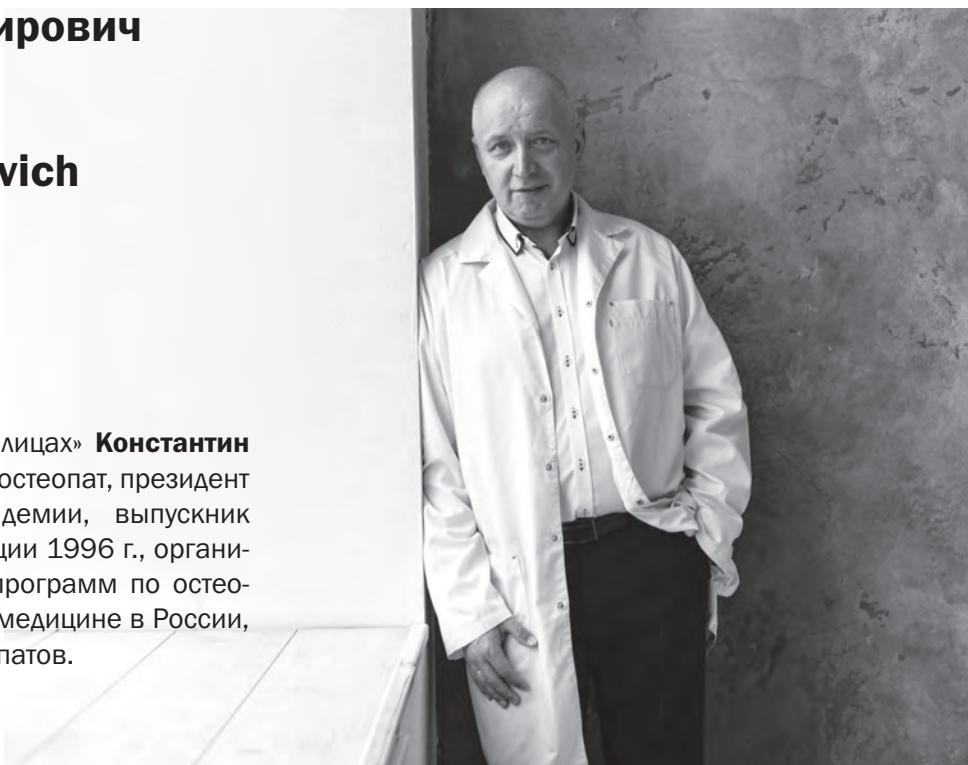


Константин Владимирович Шарапов

Konstantin Vladimirovich Sharapov

Герой рубрики «Остеопатия в лицах» **Константин Владимирович Шарапов** — врач-osteopat, президент Русской краниосакральной академии, выпускник Высшей школы остеопатии Франции 1996 г., организатор первых образовательных программ по остеопатии и традиционной китайской медицине в России, один из первых российских остеопатов.



— Константин Владимирович, как и когда Вы пришли в остеопатию?

— Мой интерес к мануальным направлениям был делом случая, когда в 1991 г. попал на работу врачом в клинику известного в то время костоправа-врача доктора Суханова. Мануальная работа заинтересовала, и в 1992 г. я окончил курсы по мануальной терапии в ГИДУВе (Государственный институт усовершенствования врачей), которые длились всего месяц, стал практиковать. Через какое-то время познакомился с Тамарой Ивановной Кравченко, прошел у нее несколько семинаров. В 1994 г. ей удалось договориться с Роже Капоросси об организации обучения русских врачей по программе Высшей школы остеопатии Франции, и я попал в первую группу, которую они набирали в Санкт-Петербурге. Закончил я обучение в 1997 г., и тогда же защитил диплом доктора остеопатии в Швейцарии.

— Чем именно Вас привлекла остеопатия?

— Когда в 1988 г. я окончил медицинский институт (Ленинградский государственный санитарно-гигиенический институт), то попал по распределению в районную больницу, работал терапевтом, подрабатывал на скорой помощи. Принимая пациентов, я понял, что вся моя работа ограничивается только возможностью правильно поставить диагноз. Аллопатическая медицина очень эффективна при острых и неотложных состояниях, но при хронических процессах нерезультативна. Основной же контингент пациентов — это хронические больные, и низкая результативность лечения меня не приводила в восторг. Я читал много научных трудов, пытался совершенствоваться, мне хотелось профессионально расти и очень хотелось получать яркие результаты лечения. Но как бы я ни старался ставить правильные диагнозы, пациент с хроническим заболеванием от этого выздоравливал редко. В конце концов, мне просто это стало неинтересно, я понял, что это тупиковый путь и решил искать новые подходы с целью излечивать людей, а не просто лечить. 90-е гг. были переходным периодом не только в политике, концепции менялись и в медицине.



Группа русских слушателей Высшей школы остеопатии Франции, в которой учился К. В. Шарапов

Тогда были очень популярны труды А. Ю. Ратнера, который считал, что причины многих заболеваний связаны с позвоночником. Сейчас мы знаем, что он ошибался, но тогда его модель казалась совершенно новой парадигмой и удивляла надеждой. Потом уже на первых остеопатических семинарах меня привлекала новизна тезисов краниосакральной системы, результаты лечения, который каждый может проверить на практике. Я захотел попробовать.

— Расскажите о своем обучении в Высшей школе остеопатии Франции.

— Мы учились 3 года. Нашими учителями были Франсис Пейралад, Дидье Леур и Роже Капоросси, он же был главным организатором и идеологом. Группа состояла из девяти человек: Е. В. Иванникова, Н. М. Харитоновна, А. Т. Рыбникова, Т. И. Кравченко, Н. В. Ходорковская, А. Е. Червоток, В. Е. Шалаев, О. П. Шелухина и я. Тогда мы не совсем понимали, что такое остеопатия и что нас ждёт в будущем, будем ли мы востребованы, сможем ли мы окупить затраченные ресурсы. Все участники нашей остеопатической группы были альтруистами, и нас объединяла мечта, что эта новая волна может изменить медицину и наше место в ней.

— С какими трудностями приходилось сталкиваться первым остеопатам? В одном из интервью Вы говорили, что приходилось заниматься тяжелым физическим трудом, чтобы оплатить обучение.

— Для меня стоимость обучения была сумасшедшей — 1000 долларов за семинар, а таких семинаров за 3 года было 15. Как мануальный терапевт я зарабатывал немного, и тогда один мой приятель, который работал в теплосетях, предложил работу, за которую никто не хотел браться, — нужно было очищать люки от мусора. Крайне тяжелая, но хорошо оплачиваемая работа. Я согласился. Но это была обычная история для того времени, врачи вынуждены были работать не по профессии, чтобы попросту выжить и прокормить семью. Это был нормальный ритм жизни. Это было новое время.

— В 2000 г. Вы, А. Е. Червоток, Д. Е. Мохов и И. А. Егорова создали новую остеопатическую школу. Как пришла эта идея?

— К тому времени в России уже сложились две частные остеопатические школы и у каждой из них был свой взгляд на остеопатию, на подходы к обучению. К 1999 г. среди выпускников Высшей школы остеопатии Франции появилась группа очень активных пассионариев, которые не хотели

подчиняться чье-то идее, а хотели принимать участие в организации самого процесса. Центром этой группы стал Дмитрий Евгеньевич Мохов, я думаю, что без него эта группа не сложилась бы. Идея Дмитрия Евгеньевича заключалась в том, чтобы организовать обучение по остеопатии на базе высшей школы и взять курс на государственное образование со всем его потенциалом и мощностью. С этой идеей мы пришли к Александру Павловичу Щербо, который в то время был проректором СПбМАПО (Медицинская академия последипломного образования). Дмитрий Евгеньевич смог его убедить, а Александр Павлович, в свою очередь, смог убедить ректора СПбМАПО Николая Алексеевича Белякова. Так было открыто обучение по остеопатии в МАПО на базе кафедры реабилитации и спортивной медицины. Мы с большим трудом набрали небольшую группу слушателей из семи человек — это были друзья и знакомые Дмитрия Евгеньевича, набор первой группы — целиком его заслуга. Вторая группа была больше, в ней уже были врачи из разных городов.

— В новой школе, помимо преподавания, Вы занимались организацией клинической практики, руководили клиническим сектором. Расскажите об этой работе.

— Во французской школе клинической практике уделялось большое внимание. Благодаря ей слушатели могли «переводить» полученную информацию в знания. А в остеопатии информация может стать знанием только через практику.

На базе СПбМАПО мы организовали приемы, на которых слушатели лечили остеопатически пациентов под контролем и руководством остеопата с опытом. Приёмы были очень недорогие, люди шли к нам с удовольствием, тем более, что приём остеопата выгодно отличался от приема мануального терапевта — мы работали около часа, а мануальный терапевт мог работать всего несколько минут.

Постепенно мы набрали достаточное количество пациентов, чтобы сделать эти приемы регулярными. Вырученные деньги уходили на оплату работы супервизора и информационную поддержку.



В. Фрайман, Р. Капоросси, Д. Е. Мохов, И. А. Егорова,
К. В. Шарапов, А. Е. Червоток на конференции

— Как Вы привлекали пациентов на такие приемы? Ведь в это время об остеопатии мало кто слышал.

— Разными способами, например давали рекламу на радио. Я разработал систему рассылок с информацией о наших приёмах, слушатели могли сами приглашать своих знакомых. Помогали рекламные листовки на ближайших станциях метро — Новочеркасская, Ладожская.

— Сейчас, заходя в аудитории, мы видим огромное количество учебных пособий, наглядных материалов для слушателей. Что было тогда? На чём учились и учили?

— Создавали с нуля. Я помню нашу поездку в 2000 г. к Роже Капоросси. Мы зашли в большое хранилище, где все полки были заставлены методичками, и Дмитрий Евгеньевич уговорил Роже Капоросси дать нам по методичке на каждую тему. Мы загрузили их в огромный чемодан и привезли в Россию. Эти тексты мы переводили и на их основе создали свои методические материалы. Использовали книги Р. Капоросси, Ф. Пейралада. Большая работа была проделана в то время переводчиками. Так по частям мы собирали собственную методическую базу.

— Давайте поговорим о Регистре докторов остеопатии, которым Вы долгое время руководили.

— В 1997 г. Роже Капоросси предложил создать две профессиональные организации по образцу французских общественных организаций. Была создана Ассоциация и Регистр. Возглавить Регистр предложили мне, Т. И. Кравченко стала президентом Ассоциации. Я начал создавать структуру, которая могла бы функционировать, могла бы приносить пользу и даже зарабатывать деньги на свое продвижение. Первыми членами Регистра стали выпускники школы Капоросси 1997 г., то есть группа, в которой учился я, затем в него вступили выпускники 1999 г., это группа, в которой учились Д. Е. Мохов, И. А. Егорова и другие. Юридический статус мы получили в 1998 г., я оставался президентом Регистра до 2006 г.

— Какова была цель создания такой организации?

— Учёт специалистов, которые получили полное образование по остеопатии, и их дистанцирование в информационном пространстве от тех, кто прошел краткосрочные курсы или изучал остеопатию самостоятельно, но при этом называли себя остеопатами.

Была необходима охрана профессиональных и юридических интересов остеопатов, продвижение в СМИ. Большое противодействие оказывали мануальные терапевты, с огромным недоверием относились врачи других специальностей, поэтому мы организовывали для них семинары, знакомили с нашим подходом. Это было важно для меня как для президента Регистра, тем более, что другая общественная организация остеопатов носила только номинальный характер, никакой работы не вела.

— Как Вы заинтересовались подходом Джона Апледжера и традиционной китайской медициной?

— Я всегда интересовался разными направлениями. Например, меня очень волновал такой важный аспект, как влияние на нарушения в организме психоэмоциональных факторов. Модель, предложенная Апледжером, эту взаимосвязь объясняла. Сначала я занимался переводом его книг, позже познакомился с ним лично и организовал поездку в его Институт в США для группы врачей-osteопатов. Нам очень хотелось развиваться в этом направлении. Понадобилось несколько лет, чтобы увидеть, что эта модель несостоятельна. Она так и осталась моделью, мы не смогли подтвердить ее на практике. Но тогда мы верили, что открыли новое.

Чуть позже я познакомился с французскими остеопатами, которые занимались традиционной китайской медициной. Я набрал группу из 30 остеопатов и отвез их в школу S.F.E.R.E во Франции.



К. В. Шарапов и Дж. Апледжер

В течение 2,5 лет мы изучали эту программу, затем я сам преподавал как представитель школы S.F.E.R.E. в России. Модель этой школы объясняла многое, но не все, и только когда я перешел к концепции классической китайской медицины, основанной на древних источниках, то нашел в полном объеме объяснение всех остеопатических нарушений и повреждений в организме. Мы смогли соединить психику и соматику в единой целое, находить нарушения и работать с ними прицельно. Только тогда я смог получить то, зачем я пришел в остеопатию. Этому же я учу слушателей. Сейчас у нас обучается около 150 врачей, в том числе остеопатов.

— Вы много преподаете, что Вы получаете от преподавания?

— Чтобы начать преподавать, я сделал над собой большое усилие. Каждый мой семинар начинался с того, что 3 дня накануне я был в панике, в день семинара приезжал за 3 часа до начала, перечитывал лекции, репетировал. Для меня это был огромный стресс.

Постепенно, работая с источниками, я понял, что один из способов профессионального продвижения и становления для специалиста — преподавание. Это возможность проговорить свой опыт, выразить его через речь, пропустить через сердце. В традиционной китайской медицине сердце — очень важный орган на уровне психики, структурирования опыта. Тот, кто не передает ученику свой опыт, обделен в своём профессиональном мастерстве. Вот так произошла моя эволюция от нежелания преподавать к удовольствию от преподавания.

— Как Вы относитесь к тому, что остеопатия развивается в контексте доказательной медицины и все больше интегрируется в систему здравоохранения?

— Я был противником интеграции остеопатии в систему государственной медицины, у нас были разногласия с Дмитрием Евгеньевичем Моховым по этому вопросу. И когда в 2015 г. остеопатия стала медицинской специальностью на законодательном уровне, мне ничего не оставалось, как принять то, что от меня не зависит. И только со временем я увидел огромные плюсы законодательного регулирования. К 2014 г. остеопатия погибала, и она могла погибнуть окончательно, потому что появилось огромное число псевдоosteопатов, был настоящий хаос, который мог уничтожить всё, что мы успели создать к тому времени. Когда государство ввело стандарты, ситуация стала контролируемой. Я увидел это и понял, что ошибался.

Что касается науки, то, как говорил Лев Гумилёв, когда рождается что-то новое, то ему нет места в окружающем пространстве, и нужно быть достаточно сильным, чтобы защитить себя. Так вот,



К. В. Шарапов на семинаре

наука для остеопатии — это возможность выжить в настоящих условиях. И тем, кто продвигает науку, нужно поставить памятник еще при жизни.

— Почему сегодня Вы не участвуете в больших проектах, связанных с развитием остеопатии — законодательных, научных и других?

— Есть определенные стадии жизни. И всё, что рождается, должно пройти эти стадии, не потому что так хочется, а потому что таковы законы природы. Когда остеопатия только появилась в России, нужны были пассионарные личности, энтузиасты, для которых альтруизм являлся основной. Сейчас другой период — расцвет остеопатии, в этот период ей нужны люди, которые могли бы систематизировать, организовать, структурировать, адаптировать к внешним условиям. Эту позицию великолепно изложил в своих работах гениальный ученый Л. Н. Гумилев. Я принадлежу к тому первому периоду зарождения остеопатии, я был среди пионеров и мое время уже в прошлом. Но сама остеопатия развивается, как она и должна развиваться согласно законам «Земли» и законам «Неба». Последовательно и правильно.

— Благодарим за беседу!